

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.28

Н.Н. ЛЕБЕДЕВА

УДК: 37.01

ББК: 74.03(2)

СИСТЕМА НАЦИОНАЛЬНЫХ ШКОЛ ВПИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Статья посвящена анализу причин низкой эффективности системы «инородческого» образования ведомства православного исповедания на территории Восточной Сибири в 1880–1900-е гг.

Ключевые слова: миссионерские церковноприходские школы, Иркутская и Енисейская губернии, метод Н.И. Ильминского.

N.N. LEBEDEVA

THE SYSTEM OF NATIVE SCHOOLS DEPARTMENT OF ORTHODOX CONFESSION EASTERN SIBERIA AT THE TURN OF THE NINETEENTH AND TWENTIETH CENTURIES

The article is devoted to the analysis of the reasons for the low efficiency of the system of native education of the Orthodox confession department in Eastern Siberia in the 1880–1900s.

Keywords: missionary parochial schools, Irkutsk and Yenisei provinces, method N.I. Ilminsky.

Восточная Сибирь вошла в поликультурное образовательное пространство России еще до исследуемого периода, однако некоторые проблемы этой интеграции так и не были решены. Часть из них обусловлена исторически сложившимися особенностями, с которыми в свое время столкнулось еще духовное ведомство.

К тому же в настоящее время происходит смена приоритетов в оценке деятельности Русской православной церкви в дореволюционный период. Одной из ярких страниц ее деятельности в Восточной Сибири была христианизация и просвещение коренных народов. Однозначно негативную оценку миссионерства, характерную для советской историографии, на современном этапе постепенно сменяет более корректное отношение к деятельности РПЦ на ниве народного просвещения, восстанавливающее историческую справедливость.

Начальные школы для детей коренных народностей Восточной Сибири начали появляться с 70-х гг. XIX века. Население инородческих приходов иногда сознательно сопротивлялись открытию в них школ из

боязни, что «с распространением среди инородцев грамотности их приравняют к крестьянам».

В восточносибирский округ входили две губернии — Иркутская и Енисейская. Нерусское население региона составляло 33,1 %: бурят — 14,28 %, якутов — 11,18 %, эвенков — 2,32 % и т.д. Прибайкальские буряты были в значительной степени русифицированы, они частично освоили уклад жизни русского населения и понимали русский язык. Несмотря на исключительное стремление бурят к знаниям, подчеркивавшееся в рапортах священниками-миссионерами, лишь ничтожная часть бурятских детей имела возможность посещать школу.

В Енисейской епархии сагайские и качинские татары, как и иркутские буряты Балаганского округа, проявляли большое стремление к грамотности, в то время как представители нерусских народностей Туруханского края уклонялись от открытия школ до такой степени, что разрешали брать детей в училище только за большую плату. Это объяснялось тем, что представители коренных народов Ачинского и Минусинского округов уже в значительной степени обрусели, тогда как ханты-мансийские народности вели кочевой образ жизни и находились на низком уровне развития. Для привлечения детей коренных народностей в Туруханскую миссионерскую школу благочинный округа совершал поездки по кочевьям.

С 1884 г., после издания «Правил о церковноприходских школах», миссионерские школы становятся подвидом церковных школ: с этого момента им задавались общие цели и задачи, программы и рамки деятельности. Учебный процесс миссионерских школ был постепенно переориентирован на систему преподавания церковноприходских. Различались они только спецификой контингента учащихся.

Иркутскими миссионерами отмечались большие способности и исключительное стремление к знаниям бурятских детей: выучив за первые год или два русский язык, они зачастую обгоняли русских сверстников. Преподавателями школ для коренного населения была подмечена высокая эффективность совместного обучения детей разных национальностей, т. к. в этом случае они очень быстро выучивали языки друг друга. В Иркутской епархии основной контингент учащихся миссионерских школ составляли буряты. Енисейская епархия имела татарские школы — Усть-Фыркальскую, Верхне-Усинскую, Усть-Эсинскую (Минусинский округ), Божиезерскую, Покровскую (Ачинский округ); в северных Верхне-Имбатской, Тазовской (в 1900 г. открытой дьяконом Григорием Мелетовым) и двух Туруханских школах обучались долганы, остяки, тунгусы, якуты.

Иркутский миссионерский комитет намного щедрее, чем аналогичный Енисейский, финансировал училища, к тому же иркутские купцы делали крупные пожертвования «на просвещение инородцев». В то же время школы, например, Туруханского края поражали своим жалким состоя-

нием. Нехватка интернатов, именованными в те времена «ночлежными приютами», являлась серьезной проблемой, затруднявшей комплектование школ в обеих епархиях.

В Енисейской епархии дело обучения грамоте детей коренных национальностей обстояло в целом несравненно хуже, чем в Иркутской. Денежные средства Енисейского комитета православного миссионерского общества, спонсировавшего школьное дело, были весьма скромны, что и объясняло неравномерность развития сети школ в соседних епархиях. Так, в период 1885–1899 г. в Иркутской епархии количество миссионерских школ увеличилось с 13 до 42, а численность учащихся возросла с 240 до 838 человек; в то время как в соседней губернии число школ повысилось с 3 до 12, а количество учащихся — с 73 до 220. Можно сделать вывод, что за временной промежуток в 14 лет миссионеры Енисейской епархии пришли к тому уровню, с которого начинали просветители коренных народностей Иркутской губерний.

Епархиальная администрация настаивала на личном ведении учебных занятий в «инородческих» школах священниками-миссионерами. Однако практически это было нереально для миссионера, имевшего в своем ведении до 10 тыс. и более христианизированных и некрещеных «инородцев», поэтому преподаванием в миссионерских школах занимались или псаломщики, или жены миссионеров.

В 1885 г. церковные школы в Иркутской епархии существовали уже при 10 станах, в них обучалось 344 мальчика и 131 девочка. В 1884 г. в Енисейской епархии имелось 12 миссионерских приходов двух миссий — Минусинской и Туруханской, в каждом из которых состояло по одному священнику и псаломщику; миссионерские школы появились здесь только в 1889 г.

Для такого выдающегося церковного деятеля Восточной Сибири как архиепископ Иркутский Вениамин «правильно поставленное просвещение необходимо... к обрусению инородцев», причем «главным условием такого образования должно быть то, чтобы оно было общее для всего русского народа... особое образование с исключительными льготами и почетительными отношениями к инородцам, поведет только к развитию в них национального самомнения и еще большему отчуждению от русских» [3, с. 342]. Многие миссионеры-просветители действовали с позиций так называемого культуртрегерства, настаивая на русификации коренного населения. В 1885 г. в Иркутске на собрании сибирских архиереев (Иркутского, Енисейского, Томского и Камчатского) среди прочего были приняты постановления об обязательности употребления русского языка в школе и официальной переписке среди сибирских инородцев, а также об усилении миссионерской деятельности, в том числе распространением просвещения.

Особенностью миссионерских школ на всем протяжении их существования было несоответствие возрастов учащихся классам, в которых

они обучались. В младших группах дети изучали русский язык (чтение и письмо), молитвы и начатки христианского учения, а в старших к этому добавлялись катехизис, Священная история, церковный устав, церковное пение, арифметика и общие сведения из русской грамматики, истории, географии.

Школы православной миссии в Иркутской епархии в основном помещались в домах священников и псаломщиков, а в Енисейской епархии — в наемных и приспособленных помещениях. В миссионерские школы принимали преимущественно крещеных детей, но в случае наличия места в интернатах принимались и дети-язычники. Некоторые миссионеры прилагали старания подготовить учителей для улусных школ грамоты из учеников своих школ, но эти попытки не увенчивались успехом, так как родители почти никогда не давали детям возможности пройти полный курс обучения. По мнению священников-миссионеров, распространение грамотности должно было избавить коренное население от пьянства, картежной игры, воровства, лени и других пороков.

Если в Иркутской епархии уже довольно давно велась работа по переводу литературы на бурят-монгольское и иные наречия бурятского языка, то в Енисейской епархии при большем разнообразии народностей, а также серьезных диалектных отличиях внутри одного и того же нерусского языка, эта работа велась очень медленно. Наиболее заметными являлись переводческие работы енисейских миссионеров о. С. Чисмочакова, о. М. Сулова, о. В. Кузьмина.

В отличие от Иркутской епархии Енисейская не имела прочных миссионерских традиций. Отсутствовали и опытные священники-миссионеры, знающие остяцкий, вогульский, татарский и прочие языки. Епархиальное начальство дозволило прием в Красноярское духовное училище: в 1890 г. уже обучалось 4 юношей из туруханских остяков и минусинских татар. Ставился также вопрос об организации центральной миссионерской школы в Туруханске или при Троицком монастыре (в Иркутской епархии подобная школа действовала при Иркутском Вознесенском мужском монастыре) для будущих миссионеров из числа «инородцев»-прозелитов. Лучших из них предполагалось направлять в Бийскую катехизаторскую школу, а затем в качестве псаломщиков-учителей — в причты инородческих приходов. Делались попытки вызова в Туруханский край якутов, окончивших курс в Якутской духовной семинарии. Аналогичная проблема подготовки миссионерских кадров стояла, хотя и не так остро, в Иркутской епархии: в церковных школах детям коренных национальностей давались стипендии с условием обязательной дальнейшей работы выпускников в качестве катехизаторов и учителей в миссиях Иркутской епархии и Забайкалья.

Обучение в «инородческих» школах могло вестись двумя методами. «Натуральный» метод сводился к механическому заучиванию наизусть

русских слов, молитв, целых рассказов. От детей требовалось серьезное напряжение всех душевных сил и особенно памяти. Коренные народности Сибири неохотно посылали детей в такие школы, которые усиливали их враждебность к русским, затрудняя их русификацию, делая невозможной ассимиляцию с русским населением.

Метод Н.И. Ильминского, применявшийся только в 6 школах Иркутской епархии, был основан на обучении на языках аборигенного населения. Исследования подтверждали, что система Ильминского пробуждала в детях коренных национальностей живой интерес к школе, уважение к учителям и склонность к ассимиляции с русским населением. Особое совещание по вопросам просвещения восточных инородцев, состоявшееся в 1905 г., пришло к выводу о необходимости перевода всей системы «инородческого» просвещения на метод Ильминского. От учителей в такой школе требовалось широкое знакомство с живым языком, бытом и нравами иной народности. Школы подобного типа должны были быть организованы в обеих восточносибирских епархиях.

В тундровой зоне Туруханского края от православной миссии работали специальные катехизаторы — светские лица, попутно с огласительными беседами занимавшиеся обучением детей.

Обучение детей кочующих народов происходило в дымном чуме, у костра, сидя на земле на оленьих шкурах. Ученики осваивали русскую грамоту и краткие молитвы, письму было обучать невозможно. Низкую эффективность деятельности Туруханской миссии объяснялась нерациональным способом ее организации: созданием обычных приходов, возглавляемых белым духовенством, в то время как работа по христианизации и просвещению кочевников была под силу только монашествующим миссионерам.

Обследование миссионерских станов Иркутской епархии, проводившееся в 1909 г., показало отход всех крещеных представителей коренных национальностей обратно в ламаизм и снижение эффективности работы миссионеров. Так, если в 1873–1884 гг. в Иркутской епархии было крещено 31 212 чел., а в Енисейской — также более 30 тыс., то в 1911–1914 гг. количество новокрещеных измерялось десятками [6, с. 289]. Это объяснялось сокращением в 1907 г. средств, отпускаемых на содержание инородческих училищ православным миссионерским обществом, вследствие чего началось «культурное отступление» русского влияния.

В 1901 г. в Иркутской епархии существовало 46 школ с 907 учащимися, а 1915 г. — всего 12 школ. Согласно переписи населения 1897 г., процент грамотных среди населения Сибири в целом составлял для мужчин и женщин 19,2 и 5,1 % соответственно, а для национального населения Сибири эти показатели составляли 8,1 и 1,6 % соответственно [1, с. 192]. Учительский съезд, прошедший после октября 1917 г., постановил за-

крыть все инородческие школы ведомства православного исповедания, «так как церковноприходские и миссионерские школы являлись орудием русификаторской и реакционной политики павшего самодержавия».

Сравнительно высокую эффективность работы Иркутской миссии косвенно подтверждается свидетельством известного сибиреведа И.И. Серебренникова: «Иркутские буряты больше грамотны по-русски, чем по-монгольски, забайкальские — наоборот... Они обнаруживают большую склонность к просвещению и образованию и не жалеют на это средств» [4, с. 210]. Не вызывает сомнения тот факт, что, несмотря на все трудности и стремление к русификации коренных народностей Севера и Сибири в ущерб их национальной самобытности, миссионерские церковные школы способствовали распространению грамотности среди инородческого населения и, в конечном итоге, — формированию национальной интеллигенции и росту самосознания у коренных народностей Восточной Сибири.

Список использованной литературы и источников

1. Богданов И. М. Грамотность и образование в дореволюционной России и СССР / И. М. Богданов. — Москва : Статистика, 1964. — 199 с.
2. Вениамин (Благонравов), архиеп. Жизненные вопросы православной миссии в Сибири. — Санкт-Петербург : Синодальная тип-я, 1885. — 45 с.
3. Вениамин (Благонравов), архиеп. Обязанности русского государства по обращению иноверцев к Русской православной церкви // Труды православных миссий Иркутской епархии (1878–1883 гг.). — Т. 4. — Иркутск : Тип-я Е. Синицына, 1886. — 678 с.
4. Серебренников И. Сибиреведение / И. Серебренников. — Харбин, 1920. — 256 с.
5. Серебренников В. Грамотность в Сибири по переписи 28 января 1897 года / В. Серебренников // Сибирские вопросы. — 1907. — № 17. — С. 15–22; № 18. — С. 15–21
6. Церковь в истории России (IX в. — 1917 г.) / Отв. ред. Н. Л. Смирнов. — Москва : Наука, 1967. — 289 с.

Информация об авторе

Лебедева Надежда Николаевна — доцент, кандидат исторических наук, кафедра истории, педагогики и психологии, Братский государственный университет, 665709, Иркутская область, г. Братск, ул. Макаренко 40, e-mail: nau-mova_bratsk@mail.ru.

Author

Nadezhda N. Lebedeva — Ph.D. in History, Chair of History, Pedagogy and Psychology, Bratsk National University, 40, Makarenko str., Bratsk, 665709, e-mail: nau-mova_bratsk@mail.ru.